

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Николай
Коляда

Старая зайчиха

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Николай Коляда

Старая зайчиха

«ФТМ»

Коляда Н. В.

Старая зайчиха / Н. В. Коляда — «ФТМ», — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

Гостиничный номер в замшелом городке, в котором встретились Она и Он – оба артисты, когда-то супруги. Случайная (или все же нет?) встреча, упреки в давних обидах и проснувшиеся актерские самолюбия Старой Зайчихи и Зайки-Зазнайки. «Старые мы стали. Два облезлых негра. И ты, и я. Надо признаться друг другу в этом. Всё уже закончилось».

Содержание

Действующие лица	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Коляда

Старая зайчиха

Пьеса в одном действии

Театру «Современник» посвящается

Действующие лица

Она

Он

* * *

Провинциальный город, зима, гостиничный номер.

Далекий-далекий северный город.

Гостиничный номер в очень старой провинциальной гостинице. Все в этом номере облезлое, поломанное, зеркало на стене овальное, мутное, вешалка на одном гвозде болтается, дверь в туалет не закрывается, холодильник стучит, как трактор, пластмассовая запыленная зелень висит гирляндой на стене. У кровати – тумбочка стоит, у тумбочки дверца скоро отвалится, сломана. Еще – телевизор черно-белый на тумбочке. Шторы на окне висят серые. Посреди номера – кровать, заправленная синим в полоску (как в казарме) одеялом; кровать вообще на кирпичках стоит. Рядом – старое продавленное кресло. Короче говоря, все тут, как и должно быть в нормальной провинциальной пятизвездочной гостинице.

Скажете, неправда, таких гостиниц в северных городах не бывает? Ну, хорошо – пусть все будет наоборот: уютно, опрятно, красиво, чисто, тепло. Какая разница? Не про то разговор.

Окна заиндевели от мороза. Прежние постояльцы выглядывали на улицу и отпечатали на окне маленькие ножки маленького человека. Знаете, как? Это когда прикладывают к морозному стеклу сжатый кулак, точнее – тыльную сторону его, а потом сверху кончиками пальцев делают маленькие такие «пальчики» – и получается: будто маленькие ножки маленького босого человечка пробежали по морозному стеклу.

На кровати – открытый чемодан, из него какое-то тряпье блестящее выглядывает. Рядом – шуба роскошная лежит, у шубы воротник оторван. На полу у кровати стоит маленький магнитофон, иностранная песня звучит из динамиков.

***Она** сидит в кресле, крутит диск старого черного телефонного аппарата. Ей уже далеко за пятьдесят. Но держится хорошо: намазана, напудрена. И вообще Она – вся такая фифа с бантом, московская штучка, потому что – артистка.*

Она, преувеличенно кривя губами, пытается исполнять «под фанеру» песню, которая орет из магнитофона. Но вот дозвонилась и прекратила «петь», выключила магнитофон.

***Она.** Халлё, это рецепшен? Я говорю: рецепшен? Нет? Ну, в смысле, девушка? Яй-яй, бож-жжже мой, что ж вы все тут в лаптях?! Говорю, рецепция, нет?*

Встала, пошла по комнате, таскает телефон за собой, роется в чемодане, достает губную помаду, смотрит в зеркало, подкрашивает губы.

Пять звезд, мама моя! Ну, администратор это, нет? Да ничего не говорю! *(Кричит.)* Я говорю: а как мне по коду из номера позвонить в Москву? Ну вот из этой кундейки, из живопырки из вашей раздолбанной, в которой вы меня поселили, я не могу позвонить домой или могу? Мой дом – в Москве, где же еще-то?!

Открыла коробку грима, поставила ее на кровать, встала на коленки у кровати, нашла маленькое зеркальце, смотрит в него, мажет лицо кремом.

Родная моя, ну какой талончик, мы в Гвинее-Бисау, что ли? Да кто щас по талончикам звонит? У всех сотики, мобилы! Да, есть, у меня есть, но у меня роуминга нет! Чего? Роуминг – это роуминг!

Кинула трубку.

Идиотка. Нет. Я точно в Гвинее-Бисау.

Снова набрала номер. Одной рукой держит трубку, другой густо мажет лицом черным гримом.

Халлэ, рецепшен? А где талончик покупать? Принесите мне в номер! Шестьдесят шестой, да, третий этаж. Я не могу спуститься вниз! Нет, я не в инвалидной коляске! Вы почему так разговариваете с клиентами, а?! Да вот не могу, да и все! Мне запретили спускаться вниз! Да потому что – потому! Тайна! Служебная! Мне вообще запретили разговаривать со всякими туземцами местными, а я вот говорю с вами! Ну, потому что, я не могу объяснить! Мне сказали, ни с кем не говорить, рот раскрою – гонорар не получу, ясно?! А тебе какое дело? Вот уровень – вот это уровень: ниже плинтуса! Да сама ты...

Кинула трубку, смотрит на телефон, роется в чемодане.

Дура. Ты чего орешь, кукареку? А вдруг они под дверью слушают? Как в фильме «Добровольцы». Они запели, а телефонистка говорит: «Заканчивайте, вы поете!» Заканчиваю я, потому что я пою. Кончай трепаться, идиотка, тебе башку оторвут.

Звонок сотового телефона. Она хватает телефон, кричит во всю глотку:

Алэ?! Да, Наталья Петровна! Плохая связь! Роуминга нет! Ну дак город на далеком севере раз! При чем тут нефть?! Это дорого, позвоните мне сюда в гостиницу, номер – сейчас скажу... *(Роется в бумажках.)* Номер шестьдесят шесть шестьдесят шесть! Два раза шестьдесят шесть! Ну, такой телефон! При чем тут дьявол?! Да звоните скорее, по коду, да! Мне что-то сказать надо!

Выключила телефон, кинула его на кровать, снова мажется гримом.

Надо уволить дуру. Вообще домработницу найти другую, эта – дура. Просто дура клиническая. Я тут как Джеймс Бонд, а она мне тут...

Звонит черный телефон.

Да блин, трещит до переляку! *(Снимает трубку.)* Да, Наталья Петровна, да. Добрый. Нормально долетела. Слушайте, вы когда пришли? Слушайте, там в коробке на холодильнике – жук у меня живет. Ну, приполз откуда-то. Слушайте, вы его покормите хлебом. Хлебом, хлебом, да! Зачем майонезу добавлять? Не надо, и так съест, без майонезу! Ничего не противно, живое существо. И цветы – всегда, как я уезжаю, – засыхают. И кошки – их кормите тоже. Пришлось срочно вылететь. Я буду через три дня. Записывайте все телефоны, кто звонит. Потому что это наша с вами жрачка, Наталья Петровна! Продюсеры-жмюсеры, редактора-говнектора, ага, ага! А вы все перепутываете сроду-роду! Все, пока. Позвоните Маше, дайте ей телефон мой, пусть мне перепозвонит тоже, а то я буду волноваться! Все. Дорого. Хватит!

Положила трубку.

Клиника полная.

Сильно мажет лицо черным гримом. Надела черный с кудряшками парик. Рассматривает себя.

Гвинея-Бисау, Гвинея-Бисау, Гвинея-Бисау, Гвинея-Бисау! (*Черный телефон снова противно надрывается.*) Да что ж такое, у меня тут Кремль, блин, Дом Советов, блин – звонки, звонки! (*Хватает трубку.*) Халлэ? Ой, да, Израиль Борисович. Да, дорогой... Я уже тут. Нормально долетела. И девочки тоже. Мы вчетвером, как и договаривались. Мы приехали в гостиницу сразу, нас поселили. Номера заказаны, но нас не встречали. Ага, понимаю. Чтоб не вызывать подозрений. Конечно. Песню выучили, об чем речь! Сейчас вот доучим, девочки ко мне в номер придут, протанцуем еще раз, сделаем как надо, по высшему разряду, не беспокойтесь... Холодно у вас. Я все поняла. Да, костюмы нам, сумку с костюмами отдали в рецепшен, в смысле – администратор. Да, Израиль Борисович. Нет, Израиль Борисович. Да, Израиль Борисович. Нет, Израиль Борисович. Да, Израиль Борисович. Нет, Израиль Борисович. Да, Израиль Борисович. Нет, Израиль Борисович. (*Пауза.*) А гонорар, Израиль Борисович? Да, Израиль Борисович. Нет, Израиль Борисович. (*Пауза, твердо, рубя кулаком воздух.*) Вы меня извините, Израиль Борисович, но я, нет – мы, не выйду, нет – не выйдем на сцену, если в конверте не принесете за пять, нет, за десять минут до выступления. Да, Израиль Борисович, чтобы успеть сосчитать. Сейчас? Да, я уже оделась, посмотрите. Да что вы, похожа, – Гонсалес, самая абсолютная Гонсалес. Спасибо, Израиль Борисович. Нет, Израиль Борисович. Да, Израиль Борисович. Ожидаю. Вы сейчас? И денюжки тоже? Половинку? Хорошо. Конечно. Приходите. Посмотрите. Я самая что ни на есть негритянка-папуаска. Ага. Все. Как договаривались.

Положила трубку, включила магнитофон, поет иностранную песню, преувеличенно артикулируя губами. Пританцовывает, крутит бедрами, надевает шубу, продолжает у зеркала мазать лицо черным гримом, красит губы яркой красной помадой.

Снова звонок черного телефона, она вздрагивает.

Да етишкин корень, японский городской! (*Хватает трубку.*) Халлэ? Да, Маша. Говори тише, а то я боюсь, что они прослушивают. Ну, телефонистка эта или еще кто – прослушивают. А потом расскажут всем. Городишко маленький, но абсолютно криминальный. Прямо в воздухе это чувствуется. Город называется... «Забылакак». Как-то очень похоже на «Рабиндранат Тагор». Да не «кагор», а «Тагор». Какой-то криминал нас позвал. Ага. Вчера позвонили: срочно вылетай. Мы давай лететь всю ночь. Ну, такие бабки, что ты. Нам дали кассеты, чтоб к вечеру выучили. Ага. Песню иностранную. Ага. Я должна изобразить какую-то певицу из Африки. Знать не знаю. Какую-то Мариэтту де Гонсалес. Не знаешь? Но нас, то есть нас, – четверо. Анасамбля, бля. Еще трех сблатовала, девок своих, ну. Да у Алки из кордебалета взяла. Да какая разница! Надо намазаться черным, надеть шубу песцовую, вон, дали, а в ней дырка. Меня на площадь вывезут в «Кадиллаке», будет строй милиционеров, я спою две песни под фанеру, будто папуаска, и сквозь строй милиционеров опять – на вокзал. Ну, это все вчетвером, ВИА африканское такое. Ну, так сказал этот Израиль Борисович. Зовут его так. Очень похоже на Агрессор Борисович. Ага. Говорит: ни с кем не говорить, молчать, потому что весь город обклеен афишами «Выступает Мариэтта де Гонсалес, знаменитая африканская певица». И все в такой тайне, ужас, Машка! Сейчас учу под магнитофон песню. На английском. Да я-то петь не буду, будет петь фанера. Ну, фанера лабать будет, не я! Знаешь, сколько платят? Ну вот. Ну, она, Гонсалес, старая должна быть, с подтяжками. У меня нет подтяжек. Михаил Светлов сказал: «Седина – как бронза. Ее следует заслужить!» Кто как печеное яблоко? Я каждую морщину на лбу заслужила трудом и потом! Ладно, отстань. Ты зайди ко мне, проконтролируй эту Петровну мою, она в беспамятстве всегда, кошек уморит, ага? С меня пузырь. Все, пока! У меня выступление, а ты как всегда доводишь! Не завидуй. Пока, нас прерывают, заканчивайте, вы поете!

Положила трубку.

В дверь и вправду постучали.

Она быстро надела парик, накинула шубу, открыла дверь.

На пороге – Он. На нем черное до пят помятое пальто, черная шапка и черные очки. Мало того: он на лицо черный чулок зачем-то надел.

Она начинает говорить быстро, суетливо, жеманно запахиваясь в шубу и прижимая пальцами к шее оторванный воротник.

Ну вот, Израиль Борисович, я так буду. Я готова. Вер ист бас ту Манхеттен? Да?

Молчат, смотрят друг на друга.

Он. Ну вот и она, наша пионервожатая – очень рыжая и очень помятая. Это ты, Старая Зайчиха? Ну, здравствуй.

Он смеется негромко. Молчат, смотрят друг на друга.

Она. Принесли?

Он. Что?

Она. Принесли? Деньги?

Он. Деньги?

Она. Ну, что вы так смотрите? Ну да, я не сильно по-английски, но я по-актерски внутренне оправдываю это, как зерно образа, так сказать, что я ведь – из Африки. Гонзалес. Маргарита. Де. *(Пауза.)* Ту Манхеттен вер ист бас?

Молчат, смотрят друг на друга.

Он. Ес!

Она. Я говорю: вер ист бас ту Манхеттен? Ту Манхеттен вер ист бас? То есть, где автобус на Манхэттен? На Манхэттен где автобус останавливается тут у вас?

Молчат.

Он. Тут автобусы не ходят.

Она. Да? *(Она прошла по комнате, закурила, молчит.)* Оба-на. Интересно. Да нет, я ничего... Это шутка такая. Что, как я выгляжу? Не похожа на папуаску? По-моему, вылитая. Я ведь очень много снимаюсь в телесериалах, пою в мюзиклах, таких как «Кэте», да, «Кэте», потом есть такой у нас в Москве «Чикаго», да, ага, еще «Нью-Йорк тире Нью-Йорк» – даже пела я тоже, да. Я могу показать мое портфолио, если надо.

Он. Мое – чего?

Она. Порт-фо-ли-о. Ну, где я разных позах. В смысле не в том, что вы подумали... Потом я постоянно в передачах всяких таких разных... Вот так, если коротко.

Он. Здравсьте. Здравсьте, красавица из Нагасаки. *(Декламирует.)* «Из тысяч лиц узнал бы я девочку, а как зовут – забыл ее спросить!» *(Пауза.)* Таня, здравствуй.

Она. Добрый. В смысле, вечер.

Пауза. Он прошел по комнате, сел в кресло нога на ногу. Улыбается. Говорит громко, как речевку:

Он. Тип-па!

Она. Что?

Он. Графия!

Она. Что?

Он. Оп-па!

Она. Что?

Он. Зиция!

Она. Что?

Он. Тип-па-графия и оп-па-зиция. Оп-па-зиция и тип-па-графия. Вот так. Оп-па и тип-па.

Хохочет. Хлопает в ладоши.

Молчат.

Она сняла шубу, положила на кровать.

Она. Хлопчик? А, хлопчик? Вы, поди, из противоборствующей криминальной группировки? Я не виновата. Я просто артистка. Меня попросили спеть. И все. Мы артисты гастрольного предприятия. Ну, раз нас заказали, как негров, мы и приехали – как негры. Нас если бы заказали, как Винни-Пухов, мы бы приехали, как Винни-Пухи. В смысле, нас как закажут, мы так и приезжаем. Идите. Идите отсюда, а? Я вас очень прошу – идите отсюда, я вас не знаю и знать не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.